

Золотые яблоки СОЛНЦА

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Рисунки В. ВАКИДИНА

— Юг, — сказал командир корабля.

— Но, — возразила команда, — здесь, в космосе, нет никаких стран света!

— Когда летишь навстречу Солнцу, — ответил командир, — и все становится жарким, желтым, полным истомы, есть только один курс. — Он закрыл глаза, представляя себе далекий пылающий остров в космосе, и мягко выдохнул:

— Юг.

Медленно кивнул и повторил:

— Юг.

Ракета называлась «Кюпа де Оро», но у нее было еще

два имени: «Прометей» и «Икар». Она в самом деле летела к ослепительному полуденному Солнцу. С каким воодушевлением грузили они в отсеки две тысячи бутылок кислотоватого лимонада и тысячу бутылок пива с блестящими пробками, собираясь в путь туда, где их ожидала эта исполнинская Сахара!

Сейчас, летя навстречу кипящему шару, они вспоминали стихи и цитаты.

— «Золотые яблоки солнца»?

— Йетс!

— «Не бойся солнечного жара»?

— Шекспир, конечно!

— «Чаша золота»? Стейнбек. «Кувшин золота»? Стефенс. А помните, «Горшок золота у подножья радуги»? Черт возьми, вот название для нашей орбиты: «Радуга»!

— Температура?..

— Четыреста градусов Цельсия!

Командир смотрел в черный провал большого круглого окна. Вот оно, Солнце! Одна сокровенная мысль всецело владела умом командира: долететь, коснуться Солнца и навсегда унести частицу его тела.

Космический корабль воплощал строгую изысканность и холодный, скупой расчет. В переходах, покрытых льдом и молочно-белым инеем, царил аммиачный мороз, бушевали снежные вихри. Малейшая искра из могучего очага, пылающего в космосе, малейшее дыхание огня, способное просочиться сквозь жесткий корпус, встретили бы концентрированную зиму, точно здесь притаились все самые лютые февральские морозы.

В арктической тишине прозвучал голос аудиотермометра:

— Температура восемьсот градусов!

«Падаем, — подумал командир, — падаем, подобно снежинке, в жаркое лоно июня, знойного июля, в душевно пекло августа...»

— Тысяча двести градусов Цельсия!

Под снегом стонали моторы; охлаждающие жидкости со скоростью пятнадцать тысяч километров в час струились по белым змеям трубопроводов.

— Тысяча шестьсот градусов Цельсия!

Полдень. Лето. Июль.

— Две тысячи градусов!

И вот командир корабля спокойно (за этим спокойствием — миллионы километров пути) сказал долгожданное:

— Сейчас коснемся Солнца.

Глаза членов команды сверкнули, как расплавленное золото.

— Две тысячи восемьсот градусов!

Странно, что неживой металлический голос механического термометра может звучать так взволнованно.

— Который час? — спросил кто-то, и все невольно улыбнулись.

Ибо здесь существовало лишь Солнце, Солнце и еще раз Солнце. Солнце было горизонтом и всеми странами света. Оно сжигало минуты и секунды, песочные часы и будильники; в нем сгорало время и вечность. Оно жгло веки и клеточную влагу в темном мире за веками, сетчатку и мозг; оно выжигало сон и сладостные воспоминания о сне и прохладных сумерках.

— Смотрите!

— Командир!

Бреттон, первый штурман, рухнул на ледяной пол. Защитный костюм свистел в поврежденном месте; белым цветком расцвело облачко замерзшего пара — тепло человека, его кислород, его жизнь.

— Живей!

Прозрачное окошко в шлеме Бреттона уже затянулось изнутри бельмом хрупких молочных кристаллов. Товарищи нагнулись над телом.

— Брак в скафандре, командир. Он мертв.

— Замерз.

Они перевели взгляд на термометр, который показывал течение зимы в заснеженных отсеках. Четыреста градусов ниже нуля. Командир смотрел на замороженную статую; по ней стремительно разбегались искрящиеся кристаллики льда. «Какая злая ирония судьбы! — думал он. — Человек спасается от огня и гибнет от мороза...»

Он отвернулся.

— Некогда. Времени нет. Пусть лежит. — Как тяжело поворачивается язык! — Температура?

Стрелки подскочили еще на тысячу шестьсот градусов.

— Смотрите! Командир, смотрите!

Тающая сосулька начала падать.

Командир рывком поднял голову и посмотрел на потолок. И сразу, будто осветился киноэкран, в его сознании отчетливо возникла картина, воспоминание далекого детства.

...Ранняя весна, утро. Мальчишка, вдыхая запах снега, высунулся в окно посмотреть, как искрится на солнце последняя сосулька. С прозрачной хрустальной иголки капает, точно белое вино, прохладная, но с каждой минутой все более жаркая кровь апреля. Оружие декабря, что ни миг, становится все менее грозным. И вот уже сосулька падает на гравий. «Дзинь!» — будто пробили куранты...

— Вспомогательный насос сломался, командир. Охлаждение... Лед тает!

Сверху хлынул теплый дождь. Командир корабля дернул головой влево, вправо.

— Где неисправность? Да не стойте так, черт возьми, не мешкайте!

Люди забегали. Командир, зло ругаясь, нагнулся под дождем; его руки шарили по холодным механизмам, искали, щупали, а перед глазами стояло будущее, от которого их, казалось, отделял один лишь короткий вздох. Он видел, как шелушится покров корабля, видел, как люди, лишённые защиты, бегают, мечутся с раскрытыми в немом крике ртами. Космос — черный замшелый колодец, в котором жизнь топит свои крики и страх... Ори, сколько хочешь, космос задашит крик, не дав ему родиться. Люди суеются, словно муравьи в горячей коробочке, корабль превратился в кипящую лаву... вихри пара... ничто!

— Командир?!

Кошмар развевался.

— Здесь.

Он работал под ласковым теплым дождем, струившимся из верхнего отсека. Он возился с насосом.

— Проклятие!

Командир дернул кабель. Смерть, которая ждет их, будет самой быстрой в истории смертей. Жаркая молния... и лишь миллиарды тонн космического огня шуршат, не слышимые никем, в безбрежном пространстве. Словно горсть земляники, брошенной в топку, — только мысли на миг замрут в раскаленном воздухе, пережив тела, превращенные в уголь и светящийся газ.

— Ч-черт!

Он ударил по насосу отверткой.

— Господи!..

Командир содрогнулся. Полное уничтожение... Он зажмурил глаза, стиснул зубы. «Черт дери, — думал он, — мы привыкли умирать не так стремительно — минутами, а то и часами. Даже двадцать секунд — медленная смерть по сравнению с тем, что готовит нам это голодное чудовище, которому не терпится сожрать нас!»

— Командир, сворачивать или продолжать?

— Приготовьте чашу. Теперь сюда. Заканчивайте. Живей!

Он повернулся к манипулятору огромной чаши, сунул руки в перчатки дистанционного управления. Одно движение кисти, и из недр корабля вытянулась исполинская рука с гигантскими пальцами. Ближе, ближе... Металлическая рука погрузила чашу в пылающую топку, в бестелесное тело, в бесплотную плоть Солнца.

«Миллион лет назад, — быстро подумал командир, направляя чашу, — обнаженный человек на пустынной северной тропе увидел, как в дерево ударила молния. Его племя бежало в ужасе, а он голыми руками схватил, обжигаясь, головню и, защищая ее телом от дождя, торжествуя ринулся к своей пещере, где, пронзительно рассмеявшись, швырнул головню на кучу сухих листьев и даровал своим соплеменникам лето. И люди, дрожа, подползли к огню, протянули к нему трепещущие руки и ощутили, как в пещеру вошло новое время года. Его привело беспокойное желтое пятно, повелитель погоды. И люди несмело заулыбались. Так огонь стал их достоянием».

— Командир!

Четыре секунды понадобились исполинской руке, чтобы погрузить чашу в огонь.

«И вот сегодня мы снова на тропе, — думал командир, — тянем руку с чашей за драгоценным газом, за горстью пламени иного рода, чтобы с ним, освещая себе путь, мчаться через холодный космос обратно и доставить на Землю дар немеркнувшего огня. Зачем?»

Он знал ответ еще до того, как задал себе вопрос.

«Затем, что атомы, которые мы подчинили себе на Земле, слабосильны; лишь Солнце ведает то, что мы хотим знать, оно одно владеет секретом. К тому же это увлекательно, это здорово: прилететь, осалить — и стремглав обратно! В сущности, все дело в гордости и тщеславии людей-козявок, которые дерзают дернуть льва за хвост и ускользнуть от его

зубов. «Черт дери, — скажем мы потом, — а ведь справились!» Вот она, чаша с энергией, пламенем, импульсами — назовите, как хотите, — которая даст ток нашим городам, приведет в движение наши суда, осветит наши библиотеки, позолотит кожу наших детей, испечет наш хлеб насущный и поможет нам усвоить знания о нашей вселенной. Пейте из этой чаши, добрые люди, ученые и мыслители! Пусть сей огонь согреет вас, прогонит мрак неведения и долгую зиму суеверий, ледяющий ветер недоверия и преследующий человека великий страх темноты. Итак, мы протягиваем руку за даянием...»

— О!

Чаша погрузилась в Солнце. Она зачерпнула частицу божественной плоти, каплю крови вселенной, пламенной мысли, ослепительной мудрости.

— Теперь осторожно, — прошептал командир.

— Что будет, когда мы подтянем чашу обратно? И без того такая температура, а тут...

— Бог ведает, — ответил командир.

— Насос в порядке, командир!

— Включайте!

Насос заработал.

— Закрывать чашу крышкой!.. Теперь подтянем. Медленно, еще медленнее...

Прекрасная рука за стенкой дрогнула, повторив в исполинском масштабе жест командира, и бесшумно скользнула на свое место. Плотной закрытая чаша, рассыпая желтые цветы и белые звезды, исчезла в чреве корабля. Аудиотермометр выходил из себя. Система охлаждения билась в лихорадке, жидкий аммиак пульсировал в трубах, словно кровь в висках орущего безумца.

Командир закрыл наружный люк.

— Готово.

Все замерли в ожидании. Гулко стучал пульс корабля, его сердце отчаянно колотилось. Чаша с золотом на борту! Холодная кровь металась по жестким жилам: вверх-вниз, вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево...

Командир медленно выдохнул.

Капель с потолка прекратилась. Лед перестал таять.

— Теперь обратно.

Корабль сделал полный поворот и устремился прочь.

— Слушайте!

Сердце корабля билось тише, тише... Стрелки приборов побежали вниз, убавляя счет сотен. Термометр вещал о смене времен года. И все думали одно: «Лети, лети прочь от пламени, от огня, от жара и кипения, от желтого и белого. Лети навстречу холоду и мраку». Через двадцать часов, пожалуй, можно будет отключить часть холодильников и изгнать зиму. Скоро они окажутся в такой холодной ночи, что придется, возможно, воспользоваться новой топкой корабля, заимствовать тепло у надежно укрытого пламени, которое они несут с собой, словно неродившееся дитя.

Они летели домой.

Они летели домой, и командир, нагибаясь над телом

Бреттона, лежащим в белом сугробе, успел вспомнить стихотворение, которое написал много лет назад:

Порой мне Солнце кажется горящим деревом...
Его плоды золотые реют в жарком воздухе,
Как яблоки, пронизанные соком тяготения,
Источенные родом человеческим.
И взор людей исполнен преклонения —
Им Солнце кажется неопалимым деревом.

Долго командир сидел возле погибшего, и разные чувства жили в его душе. «Мне грустно, — думал он, — и я счастлив, и я чувствую себя мальчишкой, который идет домой из школы с пучком золотистых одуванчиков».

— Так, — вздохнул командир, сидя с закрытыми глазами, — так куда же мы летим теперь — куда?

Он знал, что все его люди тут, рядом, что страх прошел и они дышат ровно, спокойно.

— После долгого-долгого путешествия к Солнцу, когда ты коснулся его, подразнил и ринулся прочь, куда лежит твой путь? Когда ты расстался со зноем, полуденным светом и сладкой негой, каков твой курс?

Экипаж ждал, когда командир скажет сам. Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенные в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекачивается на языке, будто кусочек мороженого.

— Теперь для нас в космосе есть только один курс, — сказал он.

Они ждали. Ждали, а корабль стремительно уходил от света в холодный мрак.

— Север, — буркнул командир. — Север!

И все улыбнулись, точно в знойный день вдруг подул освежающий ветер.

Перевод с английского Л. Жданова

РЭЙ ДУГЛАС БРЭДБЕРИ

По всем американским нормам он настоящий счастливчик. Ему только что исполнилось сорок лет, но у него за плечами девятнадцатилетний писательский стаж и восемь опубликованных книг. Он признанный сценарист — по его сценарию поставлен прославленный фильм «Моби Дик» с Грегором Пеком в главной роли. Его пьеса «Луч» идет на сцене американских театров. Он дважды был удостоен премии имени О. Генри — честь, которая даже однократно достается редким писателям. Общество научно-фантастических писателей Соединенных Штатов уже четвертый раз избирает его своим президентом. Он живет в чудесном светлом доме в Лос-Анжелосе. У него большая семья — молодая жена и пять маленьких дочерей. Что же еще нужно человеку для счастья?

Но почему так мрачны его произведения? Об этом говорят даже названия книг Брэдбери: «Мрачный карнавал», «Вино из одуванчиков», «Лекарство от меланхолии». Болезненные кошмары, несколько напоминающие трагические видения Эдгара По, тревожат его воображение. Его неотступно преследуют апокалиптические картины атомной войны, гибели цивилизации, одичания человечества, конца света..

Писатель рисует эти кошмары, наблюдая окружающую его буржуазную действительность.

В романе «451 градус по Фаренгейту», переведенному на русский язык в 1958 году, Брэдбери нарисовал жестокую и мрачную картину недалекого будущего. Это не то будущее, в которое он верит, но то, чьего пришествия он страшится — он показывает гиперболическое развитие черт, присущих «образу жизни» крупнейшей страны капитализма уже сегодня. «Люди, еще не поздно одуматься», — словно говорит писатель. Но он не дает ответа на простой вопрос: а что должны люди делать, чтобы не допустить этого?

Все творчество Брэдбери — это выражение мучительной раздвоенности его души, это поиски в страшном мире капитализма положительного героя, это думы о будущем, о котором стоило бы мечтать.

С особым интересом стоит отнестись к раннему аллегорическому рассказу Брэдбери «Золотые яблоки Солнца» из сборника того же названия. В нем писатель создает образ капитана звездолета — образ человека, которым руководит вечная страсть к познанию, который готов пожертвовать жизнью, чтобы принести огонь знания людям, помочь им.

Другой рассказ — «Улыбка» написан совсем недавно. Пусть разрушена буржуазная цивилизация и человечество вернулось к варварским временам. Все же бессмертная осталась красота, живущая в улыбке Джоконды. Это то наследие великого труда и вдохновения человечества, которое нельзя уничтожить. Своим рассказом Брэдбери активно протестует против войны, против разрушения цивилизации. Он за то, чтобы люди вдохновенно строили блистающий мир Грядущего!

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ